Португалов Валентин

8 октября 1982 г., «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ», № 41 (1029).

СЛЕД В ЖИЗНИ

ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА

Виктор ТЕЛЬПУГОВ

Валентин ПОРТУГАЛОВ.

«ВСТРЕЧЬ солнца» — так называется одна из поэм Валентина Португалова. Так хочется озаглавить и эти краткие воспоминания о нем. Почему именно так? Нет ли тут неуместной восторженности? Ведь судьба поэта сложилась не самым «солнечным» образом, была суровой — Португалов умер, не исполнив и десятой части своих замыслов. Мы были близки с ним, и я знаю это совершенно точно. И все-таки именно — встречь солнца! Заброшенный обстоятельствами на Крайний Север, поэт вел нелегкую жизнь. Работал сперва токарем, забойщиком, лесорубом, трактористом, горным мастером, впоследствии — актером и режиссером в Магаданском театре. Кем он только не работал! Жил сложно, неустроенно. Но у него был неуемный характер труженика, рожденного для того, чтобы совладать с любыми преградами, встающими на пути. И в герои стихов он брал людей жизнеутверждающих, стойких. Даже в самом сумеречном небе они ищут и находят проблеск солнечного луча, идут ему навстречу, торопят его приход на исхлестанную ветром, промерзшую, занесенную снегами землю. А земля эта дорога сердцу поэта, как бесконечно дороги ему люди, ее населяющие. Точнее, не «населяющие» — делающие все для того, чтобы отогреть ее своим дыханием, своим каждодневным подвигом.

Таким, и только таким, вижу Валентина Португалова — теперь уже через дымку лет...

Читаю, перечитываю сегодня стихи поэта, помеченные давними датами, и радуюсь жизнелюбию их автора, его умению пристально вглядеться в окружающее. Вглядеться и увидеть во всем — и в природе, и в людях, в их поступках и думах — пронзающий свет солнца, пусть и «багрового от стужи».

Этим прежде всего привлекает меня к себе поэзия Португалова.

Краски у поэта неброские, чем-то напоминающие краски знакомых мне художников Севера.

На столе у меня лежит когда-то подаренный Португаловым клык моржа, выделанный и разрисованный Янку, резчиком по кости, живущим в Уэлене. Всматриваюсь в изображенное на клыке еще и еще раз. Сдержанно, но до удивления емко, поэтично рассказано тут о многом. О заботах, испытаниях, надеждах, мечтах человека, живущего под низким северным небом. Человек строит яранги, растит детей, куда-то мчится на собачьей упряжке, ловит рыбу, охотится, пасет оленей. Все части картины не только искусно прорезаны по кости, но и раскрашены. Вот эти-то краски и поражают больше всего. Палитра многоцветная, богатая. Смотришь — и наслаждаешься гармоничным сочетанием красного с желтым, синего с голубым, черного с белым и вдруг ловишь себя на мысли о том, что, по сути, ни одного из этих цветов в «чистом» виде здесь нет. Краска непременно чуть приглушена, как бы просматривается через дымку тумана, через пургу и в то же время видится ясно, отчетливо. Солнце полыхает сквозь стылый воздух тайги и тундры, но это живое, настоящее солнце. Тепло, которое от него исходит, пронизывает многоярусные облака, но достигает нас — мы ощущаем его на своих щеках, обожженных морозом и ветром.

Так под резцом художника Янку, так и под пером поэта Португалова:

Хариус мутит хвостом
Воду в таежной реке.
Кукушки кукуют вдали
В зеленом березняке.
Лисицы рыжий огонь
Зажегся в густом тальнике,
Рябины резной листок
Лежит у тебя в руке.
Горек и непонятен
Запах болотных трав.
Виден за десять верст
Дым чужого костра.
Сопок далеких синь
В мареве белых ночей...
Вода, замутненная рыбьим хвостом. Голос кукушки, донесшийся из далекого далека. Желтая лисья шерстка, мелькнувшая и тут же исчезнувшая в непроходимых зарослях. Дым костра, взмывший над стылыми верстами. Синева сопок, размытая полусветом-полутеменью белой ночи... Все это те же самые краски, что и у художника-северянина. У Янку они врезаны в кость в любом рисунке, у Португалова проступают в каждой строке стиха.

Мне глубоко симпатична, близка и понятна манера письма Португалова — сдержанная, немногословная, но в то же время выразительная. О чем бы ни писал поэт — о первых русских, еще в семнадцатом веке мужественно и решительно проложивших путь на Север, о самоотверженных революционерах—сибиряках и дальневосточниках или о наших с вами современниках, осваивающих просторы Сибири и Дальнего Востока, — он любит спокойно, но ясно подчеркнуть отвагу Человека, мужество Человека, устремленность Человека вперед, в будущее.

Героев, наделенных такими качествами, мы находим прежде всего в поэме, рассказывающей о русских казаках, совершивших под водительством Семена Дежнева свой великий поход. На славу удался образ самого Дежнева, в котором сконцентрировались все лучшие черты породившего его народа.

Ревут и плещут
черные валы.
Но кормщики упрямы
и смелы,
Никто стихии уступать
не хочет.
К далекой цели россиян
маня,
Вперед зовет их красный
глаз огня,
Пылающего
на дежневском ночге.

Этот красный глаз огня видишь так отчетливо, будто он смотрит на тебя самого. Для Португалова вообще характерно стремление найти верный штрих, верную деталь, сообщающие произведению естественность, достоверность Читаешь — и веришь: так все оно и было в действительности. Так в поэме «Встречь солнца», так и в другой интересной поэме — «Костер в снегах», посвященной событиям революции, самым первым ее шагам по земле Крайнего Севера:

В тундру пришла
хорошая весть,
В ярангах говорят старики:
— Теперь у чукчей
заступники есть,
По имени — Большаки.
У них, видно,
вера совсем другая,
Раз чукчам они во всем
помогают.
Конечно, посмотрим,
что дальше будет,
Однако, наверно,
хорошие люди:
Не грабят, не бьют,
не отнимают оленину...

Повествование тут ведется от имени человека темного, ограбленного, униженного, но готового поверить в добро, в новую жизнь. И опять поэт отыскивает слова точные, убеждающие тебя в том, что все рассказанное — правда. Чукча верит в это новое не сразу, не безоговорочно, верит поначалу с опаской: а вдруг все как-нибудь не так обернется? Это состояние души северянина-бедняка схвачено очень точно, и ты к литературному персонажу начинаешь относиться как к вполне реальному лицу — слышишь живой человеческий голос, встречаешься с живым взглядом, полным надежды.

Можно было бы привести много таких вот искренних, убеждающих строк из поэм и из стихов Португалова, но дело, конечно, не в количестве цитат. При цитировании любое произведение, как правило, теряет, из него уходит подчас самое главное. Наверное и даже наверняка многое потеряно и в данном случае. Но в то же время я не мог не привести несколько примеров, чтобы показать направление творческого поиска поэта. Тех, кто захочет познакомиться со стихами В. Португалова ближе (а они этого вполне заслуживают!), приглашаю взять в руки книгу и углубиться в чтение. Поэт оставил нам, к сожалению, не очень много, но среди того, что все-таки оставил, есть вещи, достойные самого пристального внимания. О поэмах «Встречь солнца» и «Костер в снегах» я уже сказал. Назову еще такие стихи, как «Человеку не спится», «Звездопад! Ах, какой звездопад сегодня...», «Свет революции», «Разговор сорокапятилетних», «Так начинается поэма» и целый ряд других.

Вот я написал «взять в руки книгу» и подумал: а какую? Ведь в Москве В. Португалов почти не печатался, и просто трудно найти стихи талантливого поэта.

Мы часто небрежно относимся к литературному наследию ушедших от нас литераторов. Вниманию к своим товарищам по перу нам надо бы учиться у таких, как Португалов. Живя на Севере, он постоянно следил и за тем, что создается в Москве, во всех уголках страны, и особенно пристально — за новой порослью поэзии северян. Каждое новое стихотворение, написанное чукчей или эскимосом, спешил перевести на русский язык, удаче другого поэта умел обрадоваться больше, чем своей собственной.

При каждой нашей встрече Валентин Валентинович не забывал спросить:

— Что ты знаешь о тезке своем Викторе Кеулькуте и знаешь ли хоть что-нибудь? А об Антонине Кымытваль слышал? Как же так! А о Юрие Анко известно тебе?

На мое отрицательное покачивание головой сокрушенно вздыхал:

— Бедняги! Вы тут в столице не слышите и не видите очень многого. Это все молодые поэты — чукчи и эскимосы. И те и другие очень интересно и серьезно начинают! Перевожу их с огромным удовольствием. Многое перевел уже. Вот послушай...

Валентин Валентинович мог читать стихи своих чукотских и эскимосских друзей хоть всю ночь. Читал вдохновенно, будто свое собственное детище стремился донести до тебя. И не только читал — при первом удобном случае старался тебя познакомить с тем или иным литератором чукчей или эскимосом. Я глубоко признателен поэту за то, что он познакомил меня с Тоней Кымытваль, с Виктором Кеулькутом — они приезжали тогда в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Кстати, самим своим приездом тогда в столицу на несколько коротких дней они во многом обязаны Португалову — это он доказывал во многих инстанциях, что без молодых поэтов Чукотки фестиваль состояться просто не может. И доказал! Теперь с имен поддержанных им молодых начинается большой список поэтов далекой северной земли.

Переводил Португалов не только Кымытваль, Анко и Кеулькута, а, если память не изменяет, еще и таких высокоодаренных поэтов-северян, как Владимир Тымнетувге, Виктор Арычайвун, Виктор Энмынкау...

Но и этим далеко не исчерпывается перечень добрых дел Португалова. Помню, как старательно собирал Валентин Валентинович стихи поэтов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. И не только собирал. В 1968 году по его инициативе в издательстве «Советская Россия» вышла книга «Пять обелисков». Нельзя сегодня без волнения читать эту книгу. И циклы стихов отобраны хорошие, и каждому циклу предпослана биографическая новелла, написанная В. В. Португаловым. Это целый мемориал, посвященный Георгию Суворову (1919—1944), Алексею Лебедеву (1912—1941), Фатыху Кариму (1909—1945), Ивану Рогову (1913—1942), Ивану Пулькину (1903—1941). И о каждом поэте Португалов сказал пусть не пространное, но достойное слово. Каждый из них достоин остаться в нашей памяти. Иван Пулькин, например, сложил свою голову, защищая Москву. Новелла о нем заканчивается строками из его же талантливой поэмы:

Пусть бьющее жизнью,
любовью, кровью.
Сердце твое поет:
— Москва!
Умереть за твое здоровье,
Жить за счастье твое!

Валентин Валентинович погиб не на поле боя. Скончался на больничной койке в послевоенные годы. Но, если перефразировать слова его ближайшего друга Ивана Пулькина, поэт умер за счастье Родины. И жил за ее счастье. Жил встречь солнца. Подтверждением тому — его стихи, вдохновенные, чистые, посвященные Отчизне и человеку труда. Подтверждением тому — переводы многих своих собратьев, всегда согретые сердцем, проникнутые духом дружбы, интернационализма.

Любовь к людям, стремление прийти к любому на помощь, оказаться нужным, необходимым другим — в этом весь В. В. Португалов, самобытный поэт, неуемный труженик советской многонациональной литературы.

В последние годы мы виделись с В. В. Португаловым в Москве, где он учился, а потом работал на Высших литературных курсах Союза писателей СССР. Он был тяжело болен и в конце концов угодил в больницу. Навещая его, я снова поражался все той же жизнеупорности поэта. Во время последнего нашего свидания он рассказывал о том, какие задумал написать стихи, кого еще из северян мечтает перевести на русский.

— А самая моя главная, самая первая мечта теперь, знаешь, какая? — спросил шепотом. — Роман написать. Я начал уже, вот глянь, только, чур, между нами.

Валентин Валентинович достал из-под подушки несколько бегло исписанных тетрадных листков в косую линеечку, однако читать не позволил:

— Заготовки, сырье... И в любую минуту явятся мои «мучители», — он посмотрел на белую полуоткрытую дверь палаты.

Я успел прочитать название будущего романа — «Север. Любовь. Работа»... и одобрил его. Валентин Валентинович ответил, что он еще поразмышляет, что это пока самый первый вариант и смущает его некоторой публицистичностью.

— Но тема и идея выражены ясно, как считаешь?

Я повторил, что название мне кажется подходящим, особенно для первого варианта.

— Подумаем, подумаем, — ответил он, — не будем спешить. А вообще-то, конечно, и Север тут должен быть, и любовь моя к нему и к друзьям-северянам. Куда ж без них? В них вся жизнь. Без остатка!

На прощание Валентин Валентинович сказал:

— Честно сказать, чертовски завидую одному норвежцу. Он свою книгу о сильных, несгибаемых людях Севера назвал, знаешь, как?

— «Тепло в стужу»? — почему-то сразу же, неожиданно для самого себя, догадался я. — Артур Омре? Отличный писатель! Он бывал не только в норвежском Заполярье, но и в наших краях — в Архангельске, на Новой Земле.

— Точно! — грустные глаза Португалова вспыхнули, он улыбнулся. — Вот кому повезло, так повезло — «Тепло в стужу»! Надо же! А?

— Но и «Встречь солнца» неплохо, — попробовал я утешить поэта.

— Неплохо? Тебе нравится? — опять оживился Португалов. — Тогда будем искать что-то в этом роде. А когда найдем, останется сущий пустяк — роман настрочить...

Он еще раз улыбнулся, задумался и добавил:

— Настрочим! Обязательно настрочим. Материала у меня на десяток романов хватит. На полное собрание сочинений...

В коридоре послышались шаги врача, Валентин Валентинович быстро спрятал под подушку исписанные странички. По всему чувствовалось — ненадолго.